

ОБОРОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СССР НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

(ИЗ ЗАПИСОК НАРКОМА)

Б. Л. Ванников

События Великой Отечественной войны и предшествовавших ей лет представляют большой интерес не только для историков и экономистов, но и для широкой советской общественности. Однако некоторые факты того периода освещены недостаточно, поэтому объяснение их порой составляет большие трудности. В известной мере это является результатом нередко практиковавшегося тогда обсуждения и решения тех или иных важных государственных вопросов без протокольных записей. По причине этого освещение многих событий только по документам оказывается недостаточным, неполным. Вот почему немаловажное значение приобретают свидетельства очевидцев обсуждений, подготовки и принятия окончательных решений по важнейшим вопросам жизни страны. К сожалению, со временем уходят люди и теряются многие нити, столь необходимые для правильного освещения исторических событий. Будучи одним из таких свидетелей, а также непосредственным участником подготовки и практического выполнения многих важных решений того времени, касавшихся оборонной промышленности, я счел своим долгом осветить некоторые факты, представляющие, на мой взгляд, определенную историческую ценность. Конечно, я могу изложить лишь то, что запомнил или узнал от людей, которые также были свидетелями и участниками освещаемых событий.

С первых же месяцев войны стала, как никогда ранее, очевидной огромная работа, проделанная в предвоенный период в нашей промышленности вооружения. Это нашло отражение, в частности, в том, что группе руководителей этой промышленности летом 1942 г. было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В связи с подготовкой Указа о награждении И. В. Сталин предложил мне как бывшему наркому вооружения дать характеристики директорам лучших оружейных и оружейных заводов. В списке, показанном мне И. В. Сталиным, были А. И. Быховский, Л. Р. Гонор, А. С. Елян, а также тогдашний нарком вооружения Д. Ф. Устинов и его заместитель В. Н. Новиков, ранее возглавлявшие крупнейшие предприятия. Это были люди, под чьим руководством в предвоенный период реконструировались заводы и увеличивались мощности главных предприятий промышленности вооружения, осваивались образцы артиллерийских систем и стрелкового оружия для Красной Армии. Глубоко ценя их заслуги, известные мне по совместной довоенной работе, я сказал, что, по моему

мнению, каждый из них заслужил почетное звание Героя Социалистического Труда. Поскольку же в списке было и мое имя, то я позволил себе заметить, что меня еще рано награждать за работу в наркомате боеприпасов, куда я был назначен совсем недавно. На это И. В. Сталин ответил: «Вам присваивается звание Героя Социалистического Труда как оценка вашего руководства промышленностью вооружения». 8 июня 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР «за исключительные заслуги перед государством в деле организации производства, освоения новых видов артиллерийского и стрелкового вооружения и умелое руководство заводами...» мне в числе вышеупомянутых товарищей было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Я пишу обо всем этом не из тщеславия, хотя, разумеется, как и многие другие, горжусь высокой наградой. Хочу, однако, подчеркнуть, что для меня она означала высокую оценку довоенной работы замечательного, самоотверженного и высококвалифицированного коллектива промышленностью вооружения, который, кстати сказать, и в дальнейшем, во время войны, с честью справился с еще более сложными и ответственными задачами.

Что касается характеристики его деятельности в довоенный период, то об этом можно судить по следующей выдержке из резолюции XVIII партийной конференции, состоявшейся в феврале 1941 г., меньше чем за четыре месяца до начала войны: «Темпы развития продукции оборонных промышленных наркоматов в 1940 году были значительно выше темпов роста всей промышленности. В результате успехов освоения новой техники и роста оборонной промышленности значительно повысилась техническая оснащенность Красной Армии и Военно-Морского Флота новейшими видами и типами оружия». Конечно, неправильно было бы этой резолюцией прикрывать крупные ошибки, имевшиеся в предвоенной деятельности промышленности вооружения. Напротив, следует признать, что тогда, в годы наибольшей интенсивности в работе по перевооружению Красной Армии новой боевой техникой, принималось немало ошибочных решений. Более того, о некоторых из них ни в коем случае нельзя забывать. Ошибки — это тот же опыт, который надо изучать, как изучают историю.

Общезвестно, что боевая техника, созданная в мирное время, ее качество имеют особую специфику: окончательную, подлинную проверку они проходят во время войны, на полях сражений. Но в то же время нужно иметь в виду, что высокое качество оружия обеспечивается тщательной отработкой конструкции и испытанием образцов, составлением хорошей технической документации, разработкой рационального технологического процесса и организацией налаженного серийного производства.

Об артиллерии и артиллерийской промышленности И. В. Сталин, как мне казалось, проявлял наибольшую заботу. Правда, он уделял много внимания всем отраслям оборонного производства. Например, авиационной промышленностью он занимался повседневно. Руководивший тогда этой отраслью А. И. Шахурин бывал у него чаще всех других наркомов, можно сказать, почти каждый день. И. В. Сталин изучал ежедневно сводки о выпуске самолетов и авиационных двигателей, требуя объяснений и принятия мер в каждом случае отклонения от графика, подробно разбирая вопросы, связанные с созданием новых самолетов и развитием авиационной промышленности. То же самое можно сказать о его участии в рассмотрении вопросов танковой промышленности и военного судостроения. Но при всем этом в отношении Сталина к артиллерии и артиллерийской промышленности чувствовалась особая симпатия. Артиллерийскому вооружению придавалось первостепенное значение. Коммунистическая партия и Советское правительство всегда отмечали величайшую роль артиллерии как главной ударной силы войск и проявляли постоянную заботу о ее высоком техническом и тактическом уровне. Артиллерии было предназначено разрешать в бою разнообразные и в то же время самые ответственные задачи, широта которых росла с развитием и совершенствованием военной науки и техники.

В период между двумя мировыми войнами артиллерийские системы подверглись коренному совершенствованию на основе новейших научно-технических достижений. Новые типы этого вооружения были разработаны и апробированы в СССР задолго до начала Великой Отечественной войны и в основном оставались неизменными до окончательного разгрома противника. В целом новая система артиллерийского вооружения Красной Армии в течение всей войны не испытывала потребности в введении новых калибров или острой необходимости в принципиально новых конструкциях. Эти факторы имели важное значение для военной экономики. Большая заслуга принадлежит нашим военным руководителям и специалистам, отработавшим гамму калибров артиллерийских систем с хорошими боевыми качествами, сохранив при этом в максимально возможной степени преемственность, что не только способствовало успешной работе военной промышленности, но и сыграло огромную роль в снабжении армии боеприпасами. Огромная работа, проделанная в этом направлении в довоенный период, позволила конструкторам и производственникам-вооруженцам сосредоточить свои творческие усилия во время войны на дальнейшем совершенствовании артиллерийского вооружения и улучшении процесса его изготовления. Это дало возможность непрерывно повышать эксплуатационные качества систем, упрощать конструкции деталей и узлов, лучше организовать производство, увеличивать выпуск продукции и снижать ее себестоимость.

Разносторонний характер и высокий уровень техники, достигнутый промышленностью вооружения, обеспечили также решение целого ряда важных задач, возникав-

ших в ходе войны. Когда, например, к 1943 г. потребовалась мощная танковая и самоходная артиллерия, конструкторы, производственники-вооруженцы и танкостроители с большим успехом использовали для ее создания наиболее ответственные и трудоемкие так называемые качающиеся части артиллерийских систем (ствол с люлькой) калибром 122- и 152-мм, которые производились крупными сериями. Такой рациональный подход обеспечил возможность дать в очень короткие сроки танковым заводам нужные пушки. И уже с начала 1943 г. фронт получал в требуемых количествах танки и самоходные установки с мощной артиллерией и боекомплекты снарядов. Вряд ли нужно говорить о том, что это имело тогда исключительно большое значение.

К моменту нападения гитлеровской Германии на нашу страну Красная Армия была вооружена самой лучшей артиллерией, превосходившей по боевым и эксплуатационным качествам западноевропейскую, в том числе и германскую. Классической для того времени как по этим показателям, так и по экономичности изготовления была 76-мм пушка, созданная Героем Социалистического Труда конструктором В. Г. Грабиным. Немцы, отдавая ей должное, считали эту пушку образцом для артиллерийских систем такого калибра. В ганковом варианте она пробивала броню немецко-фашистских танков на значительно больших дистанциях, нежели могли это сделать их пушки в отношении наших танков. Конечно, это превосходство достигалось также за счет более мощной брони советского танка «Т-34». Но, во-первых, последнее обстоятельство стало возможным в значительной мере благодаря сравнительно малым габаритам и весу установленной на этом танке 76-мм пушки. Во-вторых, сама она обладала лучшими техническими и тактическими качествами. Все это, вместе взятое, и позволило нашей оборонной промышленности создать грозную боевую машину, которая значительно превосходила немецко-фашистскую танковую технику по броневой защите и меткости стрельбы на больших дистанциях. Это признали даже в лагере противника. «Танк «Т-34» произвел сенсацию,— писал уже после войны бывший гитлеровский генерал Эрих Шнейдер.— Этот 26-тонный русский танк был вооружен 76,2-мм пушкой (калибра 41,5), снаряд которой пробивал броню немецких танков с 1,5—2 тыс. м, тогда как немецкие танки могли поражать русские с расстояния не более 500 м, да и то лишь в том случае, если снаряды попадали в бортовую и кормовую части танка «Т-34».

Во время войны немаловажную роль в борьбе за господство в воздухе сыграло увеличение огневой мощи наших ВВС. Среди новых образцов авиационного вооружения одной из лучших была тогда 23-мм пушка, которую советская промышленность окончательно создала в 1942 году. Прежде всего надо сказать, что еще в начале 30-х годов советская авиация была вооружена лишь пулеметами двух типов. Они имели хороший калибр — 7,62-мм, но небольшая скорострельность сделала их по мере увеличения скоростей полета самолетов не соответствующими новым требованиям ВВС. Значительно лучшим оказался пулемет, созданный к 1933—1934 гг. талантливым конструктором Б. Шпитальным. Это была оригинальная конструкция, которая при том же калибре увеличивала число выстрелов до 2 тыс. в минуту. С принятием на вооружение этой скорострельной системы, получившей название «Шкас», Военно-Воздушные Силы СССР по пулеметному оружию выдвинулись на первое место в мире. Примерно тогда же Б. Шпитальный создал крупнокалиберный (12,7-мм) пулемет «Швак».

Переход на автоматику высокой скорострельности потребовал от промышленности еще большей точности в чертежах, расчетах допусков, изготовлении авиационного оружия и особенно высокого качества стали и термической обработки деталей, предопределявших живучесть и безотказность работы автоматики. Тактико-технические требования к этому вооружению, которые всегда были выше, чем к наземному, теперь вновь намного возросли. Оружейное же производство, хотя оно и находилось на сравнительно высоком уровне техники того времени, все же оказалось недостаточно подготовленным к полному выполнению тактико-технических требований, предъявленных к скорострельному авиационному автоматическому оружию. Наибольшие трудности возникли при подборе высокопрочных специальных сталей для самых напряженных деталей и пружин и при создании технологии их термической обработки. В те годы автоматизация в производстве только зарождалась, да и то лишь на отдельных участках. А такие технологические процессы, как ответственная термическая обработка высоконапряженных деталей, не обеспечивали требуемой стабильности и высокого качества без автоматизации и по многим другим техническим и производственным условиям как изготовления, так и контроля изделий.

Освоение выпуска пулеметов «Шкас» отставало по некоторым причинам. Некоторые из них были порождены тем, что авторы конструкции, считавшие для себя позволительной такую «небрежность гения», плохо отработывали чертежи, вносили в них множество изменений уже после запуска в серийное производство. При испытаниях допускались нарушения условий, давались необъективные оценки выявленных недостатков, опять-таки связанные с «особым» положением конструкторов. Все это влекло за собой последующие исправления. Задержки вызывали беспокойство у И. В. Сталина, уделявшего много внимания развитию авиации. А так как пулемет «Шкас» был для нее новым могучим огненным средством и обеспечивал ей значительные преимущества на случай войны, то И. В. Сталин взял на себя непосредственный контроль за ходом работ конструкторских бюро и на заводах. Он вызывал к себе представителей последних, а также авиации и решал возникавшие между ними разногласия.

Много раз этот вопрос обсуждало Политбюро ЦК ВКП(б). В таких случаях приглашались также конструкторы и директора соответствующих предприятий.

К 1 сентября 1939 г. вермахт имел всего 4624 миномета, в основном калибра 81 мм, и на каждый из них — 400 мин, в то время как на 75-мм пушки, которых насчитывалось почти 3 тыс., приходилось по 1200 снарядов. Это свидетельствовало о том, что предпочтение отдавалось последним. Но очень скоро боевая обстановка заставила командование вермахта пересмотреть свою оценку минометов и особенно при подготовке к нападению на СССР сделать упор на расширение парка минометов и увеличение боезапаса. Уже к 1 июня 1941 г. число минометов в гитлеровской армии выросло более чем в 2,5 раза, а мин к ним — почти в 7 раз, в то время как количество артиллерийских систем к этому же времени увеличилось от 40 до 46%, а снарядов к ним — примерно в 1,7—2,3 раза. К столь резкому повороту фашистского командования в оценке минометов привели опыт западной кампании и, главное, изучение условий боя в предстоящей войне против СССР. Оснащение фашистской армии минометами получило преимущества по сравнению со всеми основными видами артиллерийского вооружения. Ту же тенденцию можно видеть и в обеспечении гитлеровских войск боеприпасами к перечисленному выше вооружению.

Красная Армия к началу Великой Отечественной войны обладала хорошим минометным вооружением, которое значительно превосходило немецкие образцы и было освоено в серийном производстве. На 22 июня у нас было в наличии 16 тыс. минометов, то есть больше, чем у противника, причем среди них было не только 13 тыс. 82-мм, превосходящих германские 81-мм, но и 3 тыс. 120-мм минометов, которых не имели тогда вражеские войска. В СССР еще за несколько лет до начала Великой Отечественной войны были созданы хорошие образцы минометов 82- и 120-мм и к ним осколочно-фугасные и осколочные мины. Прекрасных результатов добился советский конструктор Б. И. Шавырин, впоследствии Герой Социалистического Труда.

Упорно преодолевая неблагоприятные условия, объяснявшиеся неправильным отношением к этому виду вооружения, он сконструировал минометы названных калибров, отличавшиеся наиболее высокими боевыми и эксплуатационными качествами. Как подтвердилось в военное время, их выпуск без особых усилий могли быстро освоить и гражданские машиностроительные заводы. Но прежде чем шавыринские минометы получили признание, конструктору довелось пройти долгий путь, усеянный множеством препятствий. Так, в 1938—1939 гг. искусственно затягивалась окончательная апробация конструкций Б. И. Шавырина. Артиллерийское управление армии потребовало сначала сравнительных их испытаний с чехословацкими, наибольший калибр которых не превышал 81 мм. Это было сделано. Причем, хотя испытания проводились не просто тщательно, но, я бы сказал, придирчиво, 82-мм миномет Б. И. Шавырина оказался по всем показателям лучше чехословацкого 81-мм и был впоследствии принят на вооружение. Когда в ходе боевых операций этот вид вооружения более чем оправдал себя и потребовалось увеличить его поставки фронту, советская промышленность только за один 1942 г. дала Красной Армии 1300 минометов калибра 120 мм. У противника же появилась возможность применить это очень эффективное вооружение лишь в 1944 году.

В ходе эволюции стрелкового оружия наибольшей критике в предвоенные годы подверглась винтовка. Наряду со станковым пулеметом она в начале первой мировой войны считалась основным и главным стрелковым вооружением армий всех государств, но в дальнейшем, с появлением первых образцов автоматического оружия, хотя и несовершенных, возникла концепция отмирания обычной (драгунской) винтовки.

В Красной Армии главным оружием стрелковых частей была винтовка Мосина образца 1891 года. К 1930 г. ее модернизировали. Это было сделано с целью устранить выявленные в войну недостатки этого образца, а также в связи с тем, что на создание автоматического стрелкового оружия, удовлетворяющего современным тактико-техническим требованиям, нужно было намного больше времени и средств. Модернизированная винтовка образца 1891—1930 гг., заняв место в одном ряду с лучшими иностранными образцами и опередив их по продолжительности существования, оставалась на вооружении Красной Армии вплоть до окончания Великой Отечественной войны. В довоенное время ее производство осуществлялось на двух оружейных предприятиях и осваивалось в порядке подготовки на одном из заводов машиностроения. Последнее обстоятельство, как мы увидим далее, сыграло в годы войны исключительно важную роль, так как позволило намного увеличить выпуск винтовок.

До нападения гитлеровской Германии на нашу страну указанный машиностроительный завод производил свою обычную продукцию и одновременно с помощью предоставленных ему специальных станков, инструмента, заготовок осваивал изготовление всех деталей драгунской винтовки, за исключением ствола и ложа. Вскоре он уже смог поставлять их одному из оружейных заводов, а там они использовались на сборке винтовок наряду с собственными деталями. Этим обеспечивалась взаимозаменяемость деталей, постепенно ставшая полной. Оружейный и машиностроительный заводы систематически обменивались приемочными калибрами и достигли по всем без исключения производственным операциям одинакового состояния технологического процесса, строго соответствовавшего технической документации. В результате мы фактически имели, кроме двух оружейных заводов, изготавливавших драгунскую винтовку, еще один, третий, способный при необходимости полностью переключиться на выпуск деталей для этого оружия. В целом считалось, что эти предприятия имели мощности,

позволявшие в случае войны изготовить в первый год до 2,5 млн. драгунских винтовок, как и предусматривалось планами. Практически же мощности оказались еще выше. Так, за 1941 г. было выпущено 2,5 млн. винтовок, но при этом заводы перешли на режим военного времени только во второй половине года, а два из них не работали последние три месяца в связи с необходимостью перебазироваться на восток страны. В следующем же, 1942 г., когда и эти эвакуированные предприятия возобновили работу на новом месте, промышленность вооружения дала более 3 млн. винтовок. Всего за годы войны их было изготовлено для Красной Армии примерно 12 миллионов.

Такое быстрое развертывание выпуска винтовок в условиях непредвиденного перебазирования 50% мощностей промышленности стало возможным благодаря исключительно высокой готовности этого производства. Небезынтересно сравнить вышеприведенные данные с показателями соответствующей отрасли военной промышленности гитлеровской Германии на первом этапе второй мировой войны. Немецко-фашистская армия тогда одерживала легкие победы, в результате которых она оккупировала ряд государств, обладавших развитой промышленностью, в том числе и оружейной. Следовательно, у гитлеровского командования были обширные возможности для получения нужного количества винтовок. Тем не менее, как отмечал впоследствии бывший гитлеровский генерал Б. Мюллер-Гиллебранд, «производство вооружения никак не могло поспевать за ростом сухопутной армии, которая с начала войны (имеется в виду период с 1 сентября 1939 г. до 1 апреля 1940 г.— Б. В.) увеличилась примерно на 50 дивизий». Далее тот же автор сообщал, что за эти семь месяцев число винтовок и карабинов увеличилось у немецкой армии с 2 770 тыс. до 3 137,7 тыс., то есть возросло ежемесячно всего лишь на 52,5 тыс., или примерно в четыре раза меньше среднего выпуска винтовок в СССР в первый год Великой Отечественной войны.

Говоря о винтовке, следует отметить одну важную сторону дела, наложившую отпечаток и на развитие советского автоматического стрелкового оружия. Речь идет о том, что при ее модернизации вооруженцы получили указание сохранить для нее штатный патрон 7,62-мм образца 1908 года. По-видимому, это объяснялось наличием определенного запаса боеприпасов такого калибра, ибо и после 1930 г. данное обстоятельство выдвигалось в качестве возражения против пересмотра веса и габаритов патрона. Вследствие этого штатный патрон образца 1908 г. был единым для всех винтовок и пулеметов этого калибра, в том числе и автоматических, вплоть до окончания Великой Отечественной войны¹.

Такое положение ставило значительные трудности на пути создания автоматического стрелкового оружия. Конструктивно гильза патрона образца 1908 г. была характерна тем, что шляпка ее выступала, образуя таким образом, в данной части закраину, которая усложняла механизмы автоматики, расширяла размеры и утяжеляла оружие. Как правило, все конструкторы-вооруженцы именно этим, а также размерами и весом штатного патрона объясняли свои неудачи в попытках обеспечить заданные тактико-технические требования, вес и габариты автоматов. Были у старого патрона и другие недостатки. Так, уже тогда считалось общепризнанным, что прицельная дальность, которой обладала винтовка с патроном образца 1908 г., не оправдывалась и при стрельбе на большие дистанции расходовалось чрезмерно большое количество боеприпасов.

Крупнейшие знатоки стрелкового оружия были сторонниками перехода на новый патрон — меньшего калибра, который дал бы возможность провести унификацию в оружейном деле. Один из старейших советских ученых и конструкторов в своем труде «Эволюция стрелкового оружия» писал: «...Дальнейшая эволюция индивидуальных образцов стрелкового вооружения может направляться к сближению двух типов, а именно — автомата и пистолета-пулемета на базе проектирования нового патрона. Ружейная техника ближайшего будущего стоит перед созданием малокалиберного автомата-карабина, приближающегося к пистолету-пулемету, но разработанному, само собой разумеется, под более мощный патрон... Создание одного патрона с уменьшенной для винтовок и увеличенной для пистолетов-пулеметов прицельной дальностью разрешило бы задачу создания будущего оружия... Винтовки и ручные пулеметы будут иметь один патрон с уменьшенным калибром». Но, как уже отмечено, этот вопрос не был решен своевременно, в первые годы после окончания гражданской войны, а в рассматриваемый период нужно было думать о запасах патронов, изготовлявшихся не только для винтовок, но и для других типов штатного оружия того же калибра — станковых, ручных и специальных пулеметов. И, конечно, было бы рискованно в напряженной обстановке 30-х годов начинать коренное перевооружение с введением новых боеприпасов для решающего массового оружия.

Несмотря на существовавшие трудности, связанные, кстати сказать, далеко не только с недостатками штатного патрона, в довоенный период была создана для Красной Армии вся гамма автоматического стрелкового оружия, не считая пулемета «Максим», доставшегося нам от прежних времен. Она целиком оправдала себя в тяжелых битвах с врагом, явилась одной из решающих предпосылок победы.

¹ Разумеется, речь идет о гильзе (дульце, скат, корпус и дно) и основных очертаниях и размерах всего патрона, остававшихся неизменными. Что же касается пуля, то они видоизменялись по геометрии и весу, вводились также специальные пули — бронебойные, зажигательные, трассирующие и др.

Каждый из образцов этого оружия имеет свою историю, подчас весьма поучительную.

В предвоенные годы, и особенно начиная с 1938 г., И. В. Сталин уделял большое внимание работам по созданию самозарядной винтовки (СВ), следил за ходом конструирования и изготовления ее образцов. Пожалуй, редко бывало, чтобы на совещаниях по вопросам обороны И. В. Сталин не затронул этой темы. Высказывая недовольство медленными темпами работ, он не раз подчеркивал чрезвычайную необходимость иметь на вооружении нашей армии самозарядную винтовку. Говоря о ее преимуществах, высоких боевых и тактических качествах, он любил повторять, что стрелок с самозарядной винтовкой заменит десятерых, вооруженных обычной винтовкой. Кроме того, говорил И. В. Сталин, СВ сохранит силы бойца, позволит ему не терять из виду цель, так как при стрельбе он сможет ограничиться лишь одним движением — нажатием на спусковой крючок, не меняя положения рук, корпуса и головы, как это приходится делать с обычной винтовкой, требующей перезарядки патронов. Увеличение скорострельности и обеспечение значительной массовости огня были главными из поставленных им задач разработки нового ручного стрелкового оружия. Сталин считал очень важным, чтобы самозарядная винтовка могла производить до 20—25 выстрелов в минуту, что примерно вдвое больше, чем винтовка образца 1891—1930 годов.

Первоначально намечалось вооружить Красную Армию автоматической винтовкой, но потом остановились на самозарядной, исходя из тех соображений, что она позволяла рационально расходовать патроны и сохранить большую прицельную дальность, что особенно важно для индивидуального стрелкового оружия. Правда, с точки зрения конструирования и производства самозарядная винтовка абсолютно такая же, как автоматическая, и отличается от последней лишь тем, что требует нажатия на спусковой крючок при каждом выстреле. Автоматическая винтовка не нуждается в этом только потому, что имеет одну-единственную дополнительную деталь, называемую переводчиком и обеспечивающую непрерывную стрельбу. Выбрасывание же гильзы, подача нового патрона в ствольную коробку и продвижение его в ствольной коробке до положения, готового к выстрелу, происходят в обеих винтовках совершенно одинаково, причем и автоматическую можно использовать как самозарядную. Отдавая предпочтение СВ, И. В. Сталин отмечал, что хочет исключить возможность автоматической стрельбы, ибо, как он говорил, в условиях боя нервное состояние стрелков толкнет большинство из них на бесцельную непрерывную стрельбу, нерациональное расходование большого количества патронов. Основываясь на этих соображениях, он отклонил и предлагавшееся компромиссное решение — изготовлять и поставлять переводчик для автоматической стрельбы в качестве отдельной запасной детали.

В связи с этим мне вспоминается эпизод, относящийся, кажется, к 1943 году.

Однажды И. В. Сталин сказал мне по телефону, что получил от Н. А. Булганина сообщение об одном фронтовике, который очень легко переделал самозарядную винтовку в автоматическую. «Я предложил», — сказал Сталин, — автора наградить за хорошее предложение, а за самовольную переделку оружия наказать несколькими днями ареста. Вам я звоню потому, что хочу послать сообщение т. Булганина на ваше заключение. Прочтите и напишите ваше мнение». Материал немедленно был мне доставлен. Просмотрев его, я пришел к выводу, что упомянутый фронтовик, как видно, работал раньше на винтовочном заводе и знал, что автоматическая и самозарядная винтовки — это одно и то же, если не считать названной выше детали (переводчика). Приспособив ее к СВ, он и получил автоматическую винтовку. В таком духе я ответил И. В. Сталину, и на этом дело закончилось.

Но вернемся ко второй половине 30-х годов. Одновременно с вышесказанным И. В. Сталин считал (и в этом его поддержали и военные и вооруженцы), что СВ должна быть легкой, ненамного тяжелее драгунской образца 1891—1930 годов. Новые конкурсные испытания СВ удалось провести уже в 1937—1939 гг., после завершения работ по улучшению образцов. В этот период было опробовано несколько самозарядных винтовок, в том числе представленные конструкторами Токаревым и Симоновым. Тогда-то и была допущена ошибка.

Симонов создал наиболее легкий образец с наилучшим механизмом автоматики, но вследствие небрежности самого конструктора при изготовлении винтовки она показала на стрельбах несколько худшие результаты, чем конструкция Токарева. Будучи членом комиссии, я руководствовался тем, что принятие на вооружение массового стрелкового оружия — дело тонкое и ответственное. Вель, например, винтовка в отличие от других видов вооружения обычно принимается на долгие годы, так как последующие изменения ее конструкции неизбежно требуют как проведения сложных мероприятий в организации боевой подготовки в армии, так и длительного и дорогостоящего технологического переоснащения промышленности. Это в особенности относилось к самозарядной винтовке, а потому мне было ясно, что лучший из представленных на конкурс образцов — симоновский, и что отказывал он при стрельбе не по конструктивным причинам, а по производственным, то есть вполне устранимым. Достоинства его не ограничивались самым малым весом, хотя и это было исключительно важно, так как утяжеление самозарядных винтовок по сравнению с обычными при одинаковом патроне всегда вызывало сомнение в целесообразности принимать их на вооружение. Наконец, как уже говорилось, требование о том, чтобы они были как

можно легче, являлось одним из главных. Наряду с другими тактико-техническими преимуществами винтовка Симонова имела меньшие габариты, а также маленький штык-тесак, что обеспечивало хорошую маневренность. Но как раз против маленького тесака и ополчились военные, ссылавшиеся на то, что русская винтовка из-за наибольшей длины штыка имела преимущества в ближнем бою. Я настаивал на том, что симоновская винтовка лучше других, и просил дать возможность изготовить новые образцы для повторных испытаний. Большинство членов комиссии не согласилось на это и решило рекомендовать для принятия на вооружение винтовку Токарева. Несомненно, оказала влияние популярность Токарева. Он был старым конструктором-оружейником, известным специалистом по автоматам, тогда как Симонова знали мало и уже только поэтому отнеслись к нему с некоторым недоверием.

При рассмотрении этого вопроса в Комитете обороны я вновь выступил с возражением против принятия на вооружение самозарядной винтовки Токарева и привел доказательства превосходства симоновского образца. Напомнив И. В. Сталину, в частности, о его указании относительно минимального веса, я отметил, что винтовка Симонова лучше отвечает этому вполне обоснованному требованию. И. В. Сталин в ходе дискуссии давал возможность всем говорить сколько угодно, а своего мнения не высказывал, ограничиваясь лишь вопросами к выступающим. Меня он слушал так внимательно, а вопросы его были столь благожелательны, что принятие моей точки зрения, хотя отставал ее я один, казалось несомненным. Каково же было мое удивление, когда И. В. Сталин предложил принять на вооружение винтовку конструктора Токарева! У меня невольно вырвался вопрос: «Почему же?» И. В. Сталин ответил: «Так хотят все».

К организации производства самозарядной винтовки Токарева мы приступили на одном из оружейных заводов. Так как чертежи не были отработаны, то по указанию Наркомата вооружения они уточнялись в процессе подготовки и освоения производства. При этом устранились конструктивные недостатки, а также недоделки, мешавшие правильному ведению технологического процесса при массовом выпуске самозарядной винтовки. Объем этих работ оказался весьма значительным, так как Токарев доводил свои образцы только отстрелом и напильником, пренебрегая помощью инженеров-конструкторов, расчетчиков и технологов при подготовке элементов технической документации. В результате сроки начала серийного выпуска срывались, и Наркомат обороны пожаловался на меня И. В. Сталину, утверждая, что задержка была следствием отрицательного отношения к этой винтовке со стороны Наркомата вооружения. Мне даже не пришлось давать объяснения. На заседании Комитета обороны, куда я был вызван, И. В. Сталин изложил содержание жалобы Наркомата обороны и тут же, не открывая обсуждения этого вопроса, продиктовал постановление. Оно было настолько кратким, что я запомнил его почти дословно. В нем было сказано: предложить тов. Ванникову прекратить колебания и ускорить выпуск СВ Токарева.

После долгих мытарств завод наконец начал их выпускать и поставлять армии. Но прошло совсем немного времени, и посыпались жалобы на то, что самозарядная винтовка тяжела, громоздка, в эксплуатации сложна и бойцы всеми силами стремятся от нее избавиться. А так как шла война с Финляндией и дело дошло до И. В. Сталина, то назревал скандал.

Однажды вечером по вызову И. В. Сталина я явился к нему в Кремль. Он был один и мрачно ходил по кабинету. На длинном столе, стоявшем у стены, было разложено оружие. Подведя меня к столу и указав на один из образцов, И. В. Сталин спросил, что это за винтовка. Я сказал, что это автомат Федорова, и не из последних образцов. Перебрав несколько автоматов, он взял СВ Симонова и опять задал тот же вопрос. Я ответил. Видимо, этот образец и нужен был И. В. Сталину, так как он тотчас же принялся расспрашивать о сравнительных данных симоновской и токаревской самозарядных винтовок. Когда я доложил и об этом, он резко спросил: «Почему приняли на вооружение токаревскую винтовку, а не симоновскую?» Когда я напомнил историю этого вопроса, И. В. Сталиным овладело раздражение. Он несколько раз молча прошелся по кабинету, а затем подошел ко мне и сказал: «Вы виноваты. Вы должны были внятно доказать, какая винтовка лучше, и вас бы послушали. Почему вы допустили, что у нас такой длинный тесак?» Я молчал. Сталин сказал: «Надо прекратить изготовление винтовок Токарева и перейти на изготовление винтовок Симонова, а тесак взять самый малый, например, австрийский».

Как я ни был поражен этими обвинениями, возражать и оправдываться было неуместно. Но в то же время я сразу представил себе последствия такого решения и счел нужным попытаться предотвратить его. Прекращение производства токаревских СВ, сказал я, приведет к тому, что у нас не будет ни их, ни симоновских, так как выпуск последних можно начать не ранее чем через 1—1,5 года. И. В. Сталин подумал, согласился и отказался от своего намерения. Вместо прекращения производства винтовки Токарева он предложил конструктивно улучшить ее, главным образом в части снижения веса, и уменьшить тесак, сделав все это без замены большого количества технологической оснастки. Такое предложение было приемлемо, но его следовало обсудить с конструкторами и технологами, о чем я и сказал И. В. Сталину. Он тотчас же вызвал Г. М. Маленкова и дал ему указание возглавить комиссию в составе представителей Наркомата вооружения и военных, которая должна была при участии конструкторов и технологов подробно изучить каждую деталь токаревской СВ в целях

ее облегчения и улучшения с тем, чтобы, как сказал Сталин, «приблизить самозарядную винтовку Токарева к винтовке Симонова, а тесак взять самый наименьший».

Комиссия была сформирована в ту же ночь. Начавшаяся вслед за тем работа велась наспех. Намечавшиеся конструктивные мероприятия имели целью главным образом снижение веса деталей, а так как сделать это путем уменьшения габаритов последних нельзя было из-за того, что автоматика оставалась нетронутой, то комиссия ограничилась облегчением веса металлических деталей путем сверления отверстий, увеличения фасок и т. п., а деревянных — с помощью их утончения. Битва шла за каждый грамм веса винтовки, за каждый час, приближавший начало выпуска облегченных СВ. Но, как ни спешили, все же для этого потребовалось немало времени. Да и переделанное всегда хуже нового. Это была расплата за ошибки, тем более тяжелая, что она наступила в канун Великой Отечественной войны, хотя при ином, вдумчивом подходе можно было задолго до нее изготовить нужное количество хороших самозарядных винтовок и полностью снабдить ими Красную Армию.

Наступил 1941 год. Наркомат обороны неожиданно изменил свой очередной годовой заказ, включавший около 2 млн. винтовок, в том числе 200 тыс. самозарядных. Он пожелал увеличить число последних до 1 млн. и для этого был даже готов полностью отказаться от обычных (драгунских) винтовок. Наркомат вооружения счел это требование непонятным. Время было напряженное, задача укрепления обороноспособности страны ставилась острее, чем когда-либо. И вдруг заказ только на СВ, которая при всех своих достоинствах не могла полностью заменить обычную винтовку (что имели в виду военные), так как оставалась пока сложной и тяжелой.

Решение этого вопроса было передано в комиссию, состоявшую из В. М. Молотова (председатель), Н. А. Вознесенского, Г. М. Маленкова, С. К. Тимошенко, Г. К. Жукова и др. Докладывая на ее заседании о точке зрения Наркомата вооружения, я добавил к вышеупомянутому соображению и другие, основанные на том, что, как тогда считали, война должна была начаться в ближайшие годы. То, что она оказалась ближе, чем ожидали, лишь подчеркивает опасный характер отказа от обычных винтовок.

Итак, касаясь военной стороны дела, я отметил, что иметь на вооружении только самозарядную винтовку можно лишь при том условии, если будет решен вопрос о ее облегчении и упрощении путем перехода на патрон иной геометрии и меньшего веса и размера. Но даже имеющуюся на вооружении СВ, считал я, ввиду сложности ее автоматики в ближайшие годы не успеет освоить большая часть кадровой армии, не говоря уже о призываемых из запаса, которых обучали владеть только драгунской винтовкой. Далее, Наркомат вооружения производил тогда драгунские винтовки на двух оружейных заводах с соответствующим технологическим оборудованием, причем только один из них располагал мощностями для выпуска СВ, да и то в количестве примерно 200 тысяч. Таким образом, годовой заказ на 1 млн. самозарядных винтовок практически нельзя было выполнить, так как одному из заводов потребовалось бы для расширения их выпуска сократить на длительное время общее производство, а второму — полностью переоснастить цехи, на что уйдет более года. Но никакие доводы не были приняты во внимание. Напротив, пришлось выслушать немало упреков.

Вывод комиссии, который являлся окончательным и должен был в тот же день стать официальным постановлением, гласил: заказ дать только на самозарядные винтовки и поручить Наркомату вооружения совместно с представителями Наркомата обороны определить максимальное количество СВ, которые могут выпустить заводы в 1941 и последующих годах. Тут же мне было дано указание немедленно вызвать директора одного из оружейных заводов — В. Н. Новикова (ныне заместитель Председателя Совета Министров СССР) и приступить к выполнению принятого решения.

В наркомате меня ждали заместители В. М. Рябиков (сейчас заместитель Председателя Совета Министров РСФСР) и И. А. Барсуков. Узнав об итогах заседания комиссии В. М. Молотова, они также сочли ее решение крайне ошибочным и настойчиво высказались за то, чтобы я опротестовал его немедленно, пока оно еще не оформлено официальным постановлением. В. Н. Новиков же, с которым я несколько минут спустя связался по телефону, был настолько обескуражен предстоявшей ему задачей, что, растерявшись, начал просить меня не издавать до его приезда в Москву соответствующего приказа, как будто от этого что-нибудь зависело. Только я положил трубку телефона, как В. М. Рябиков и И. А. Барсуков возобновили атаки на меня. Когда же я обратил их внимание на состав комиссии и сказал, что жаловаться некому, В. М. Рябиков с той же настойчивостью предложил мне обратиться к И. В. Сталину. Я не решался. Тогда мои товарищи по работе убедили меня позвонить Н. А. Вознесенскому, ведавшему тогда оборонной промышленностью, с тем, чтобы еще раз попытаться переубедить его. Но тщетно. И тогда я все же позвонил И. В. Сталину. Подобно мне, В. М. Рябиков и И. А. Барсуков, оставшиеся рядом со мной, с волнением ждали, что ответит он на просьбу принять по вопросу о заказе на винтовки. Сначала И. В. Сталин сказал, что уже в курсе дела и согласен с решением комиссии. В. М. Рябиков и И. А. Барсуков знаками настаивали, чтобы я изложил по телефону свои доводы. И. В. Сталин слушал. Потом он сказал: «Ваши доводы серьезные, мы их обсудим в ЦК и через 4 часа дадим ответ». Мы не отходили от телефона, ждали звонка. Ровно через 4 часа позвонил И. В. Сталин. Он сказал: «Доводы Наркомата вооружения правильны, решение комиссии т. Молотова отменяется».

(Продолжение следует.)